

Как он мог забыть об этом, позволив Цянь Юю снова пережить такую боль.

— Мальчик, ты плачешь? Плакать тут бесполезно, если тебе действительно жалко Цянь Юя, иди и посмотри на него, может, ещё успеешь его увидеть. Иди прямо, второй поворот направо...

Сдерживая дрожь в ногах, Чэнь Минхуэй побежал по указанному стариком пути.

Он изо всех сил старался сохранять спокойствие, ведь Цянь Юй ждал его спасения!

Так что, Чэнь Минхуэй, ты должен быть спокоен!

В старом, обветшалом районе с низкими домами, во дворе одного старого холостяка собралась толпа зевак! Некоторые из них сияли от возбуждения, их глаза сверкали, как у оборотней, другие с сочувствием указывали на двоих взрослых и ребёнка в центре двора.

Хозяин двора, старый холостяк, которому было пятьдесят восемь лет, только недавно вышел из тюрьмы. Он курил трубку, причмокивая и качая головой:

— Плата за содержание слишком высока, скиньте цену!

— Как это возможно? Я вырастила хорошего сына, вложила в него столько средств, и он всегда был одним из лучших учеников в классе. Я воспитала его все эти годы, и прошу лишь небольшую компенсацию. Разве это много? Или вы хотите просто забрать взрослого сына даром? — Они торговались, словно речь шла не о живом человеке, а о бездушном предмете.

Рядом плакал Цянь Юй. Кто-то связал его, как свинью, привязав к столбу в свинарнике. Его поношенная школьная форма была испачкана грязными следами от ботинок, а одна сторона лица опухла от удара. Он стоял на коленях, умоляя Ли Цуй.

— Мама, не продавай меня, я больше не буду учиться, не буду тратить деньги, завтра же пойду работать, буду зарабатывать для тебя, пожалуйста, не продавай меня, мама... — Цянь Юй повторял это срывающимся голосом, и несколько молодых матерей, услышав это, украдкой вытирали слёзы.

Но сердце женщины, стоящей в центре двора, было каменным. Она не только не смягчилась, услышав мольбы своего собственного сына, но и злобно крикнула:

— Что за глупости ты говоришь? Какая продажа? Ты, несчастный, погубил своего отца, а теперь хочешь погубить и меня? Я же сказала, что мне, вдове, не под силу тебя содержать, передаю тебя на усыновление ради твоего же блага. У этого человека нет сына, ему нужен кто-то, кто позаботится о нём в старости, а ты, когда переедешь к нему, получишь всё, что захочешь, будешь жить в достатке, это лучше, чем быть со мной.

— Я не это имел в виду... Мама, я знаю, что виноват, не передавай меня ему... Я исправлюсь, всё сделаю, как ты скажешь, буду готовить, стирать, убирать, сам буду обрабатывать наши поля, я ещё смогу работать в посёлке, я точно заработаю больше, чем он даст тебе за меня, пожалуйста, не передавай мне ему... — Он не знал, что ещё сказать, чтобы Ли Цуй не продала его, он боялся ей перечить.

Кто-то из толпы, не выдержав, выступил вперёд:

— Ли Цуй, не вали всё на ребёнка, все знают, что смерть твоего мужа была несчастным

случаем, и если кто виноват, то это ты! Это ты посреди ночи захотела жареной курицы, заставила его мчаться в город, чтобы ты могла съесть её на завтрак. Именно из-за этой спешки и произошёл несчастный случай.

— Именно, она, эта смутьянка, вечно хочет чего-то вкусного, ничего не делает. Кто ещё посреди ночи захочет жареную курицу, разве нельзя было подождать до утра? Это просто безумие... — В толпе раздались одобрителные возгласы.

Ли Цуй покраснела от злости, ей было неловко.

Она не хотела больше спорить и резко сказала:

— Не буду с тобой торговаться, пятьсот, и точка. Кроме меня, ты больше никого не найдёшь, кто согласится передать тебе такого взрослого сына.

— Мама, пожалуйста, я завтра же, нет, сегодня вечером пойду работать, смогу зарабатывать семьдесят-восемьдесят в месяц, максимум через полгода я смогу вернуть тебе эти деньги...

Ли Цуй презрительно посмотрела на Цянь Юя и крикнула:

— Ты что, думаешь, я дура? Если я тебя отпущу, ты ведь не вернёшься, и я не увижу ни копейки.

Старый холостяк смотрел на Цянь Юя. Несмотря на тяжёлую работу, кожа юноши не была загорелой, его лицо было миловидным, а юношеская красота расцветала. Действительно, больше никто не продал бы ему такого красивого и талантливого мальчика.

Подумав, старик сказал:

— Ладно, пятьсот так пятьсот...

Чэнь Минхуэй ворвался во двор старого холостяка и увидел, как грязный, неряшливый старик обнимает Цянь Юя, который был связан и не мог вырваться, его лицо было в слезах.

— Отпусти его! — с криком бросился Чэнь Минхуэй, начал пинать и толкать старика, вырвал Цянь Юя из его объятий, быстро развязал верёвки и крепко обнял его. Он сжал его так сильно, что Цянь Юй издал стон, но Чэнь Минхуэй не ослабил хватку.

Увидев Чэнь Минхуэя, Цянь Юй словно увидел спасителя, стараясь вжаться в его объятия, дрожа всем телом.

— Минхуэй, спаси меня! — эти слова, которые он не мог сказать никому другому, наконец нашли того, кому они были адресованы.

Чэнь Минхуэй обнимал Цянь Юя, успокаивая:

— Сяо Юй, не бойся, я здесь, я спасу тебя!

Как ни странно, эти пустые слова действительно придали Цянь Юю сил, и он искренне поверил ему. Как верный пёс, он без всяких причин доверился своему хозяину.

— Ли Цуй, ты знаешь, что торговля людьми — это преступление? Я тебе говорю, за это садятся в тюрьму!

Ли Цуй не испугалась, она лишь усмехнулась:

— Какая торговля? Не вешай на меня ярлыки, это слишком серьёзное обвинение, я не могу его вынести. Я просто вдова, которая не может содержать ребёнка, и хочу найти ему хорошую семью, где он будет жить в достатке. А деньги — это не плата за ребёнка, а компенсация за содержание. Я вырастила его, а теперь он будет носить другую фамилию, заботиться о другом человеке, и он, видя мои трудности, решил мне помочь. Что в этом плохого?

В посёлке было много семей с большим количеством детей, некоторые рожали по четыре-пять, а то и семь-восемь детей, и многие не могли их всех содержать. Некоторые, видя, что родилась девочка, тайком выбрасывали её или убивали, говоря, что ребёнок родился мёртвым. Такое поведение было не редкостью, ведь роды обычно происходили дома, а не в больнице, и их принимали опытные старухи. Если умирал ребёнок или даже мать с ребёнком, это считалось обычным делом. Поэтому, если семья была единодушна в своей версии, никто не мог доказать обратное.

Некоторые семьи, несмотря на множество детей, так и не могли родить сына или вообще не могли иметь детей. Такие семьи обычно усыновляли мальчика из многодетной семьи, чтобы продолжить род. И не важно, был ли он родным, главное — иметь сына, иначе семья становилась объектом насмешек.

Поселенцы ценили сыновей, и никто не хотел просто так отдавать своего ребёнка, чтобы он носил чужую фамилию и продолжал чужой род. Поэтому приходилось искать очень бедные семьи, договариваться с ними и платить компенсацию, чтобы усыновить мальчика и «заботиться» о нём.

Именно поэтому Ли Цуй могла открыто требовать компенсацию и не боялась, что её осудят.

Цянь Юй понимал это и дрожал от страха, сжавшись в комок в объятиях Чэнь Минхуэя. В тот момент ненависть Чэнь Минхуэя к Ли Цуй даже превзошла его ненависть к Хао Ин и Ван Шинаню из прошлой жизни.

— Сяо Юй, не бойся, я обещаю, что спасу тебя. — Чэнь Минхуэй отпустил Цянь Юя и бросился прочь.

Спасибо маленьким ангелам, полившим [питательным раствором]:

Президент Ассоциации по ускорению обновлений Цзиньцзян — 22 бутылки;

Жэнь Бели — 10 бутылки;

Большое спасибо всем за поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16744/1561535>